Евгений Долматович
Евангелие от Маши

Лариса Миллер
Новые стихи

Иван Адливанкин
Падение

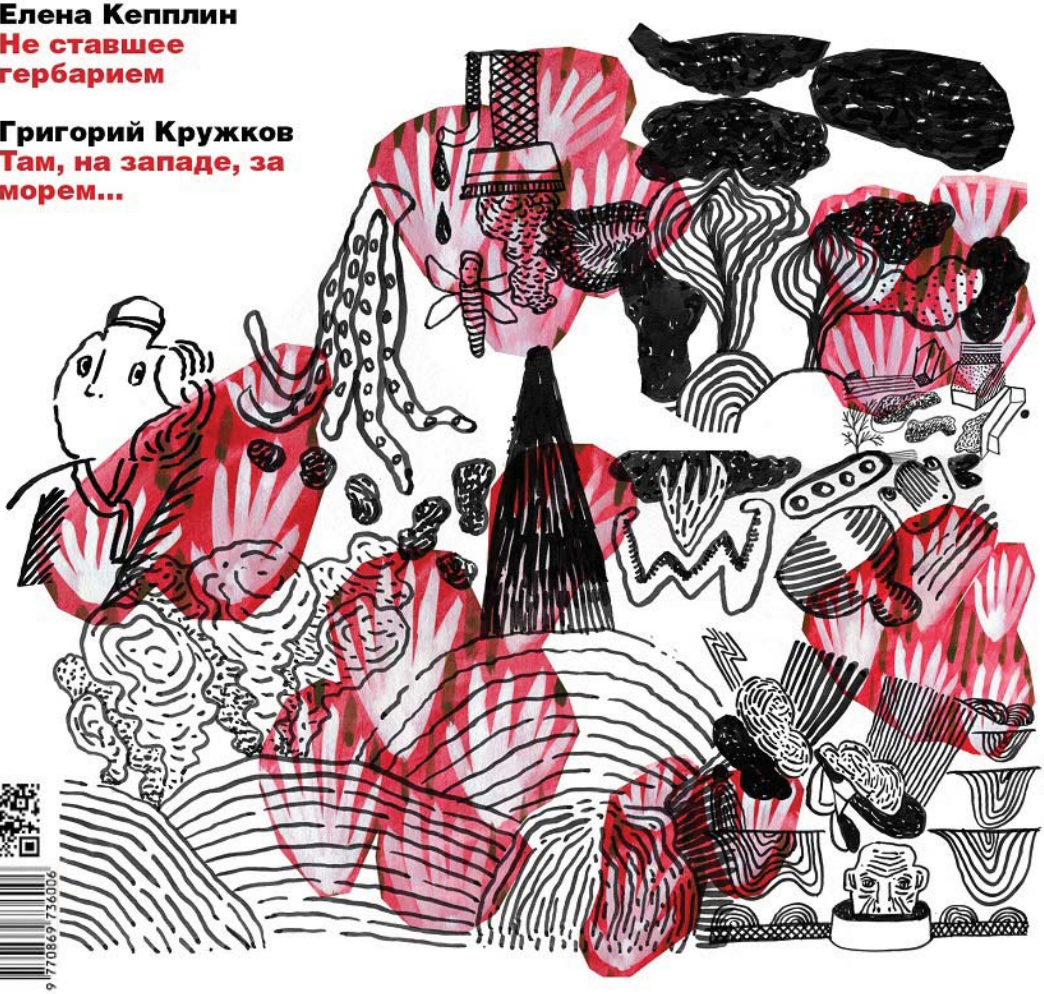
Влада Баронец
Историческое лицо

Елена Кепплин
Не ставшее гербарием

Григорий Кружков
Там, на западе, за морем...

№6 2022 [№171]

ЮНОВАЯ

ISSN 0869-736X
9 770869 736006

журнал выходит 6 раз в год

НОВАЯ ЮНОСТЬ

№ 6 (171) 2022

[НЮ]

СОДЕРЖАНИЕ:

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВИЧ
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИ
Маленькая повесть 3

ЛАРИСА МИЛЛЕР
НОВЫЕ СТИХИ 32

ИВАН АДЛИВАНКИН
ПАДЕНИЕ
Рассказ 38

ВЛАДА БАРОНЕЦ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО
Стихотворения 45

ЮЛИЯ ЕФРЕМЕНКОВА
ДВА РАССКАЗА 48

ЕЛЕНА КЕПЛИН
НЕ СТАВШЕЕ ГЕРБАРИЕМ
Стихотворения 55

Мастерская

ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ
ТАМ, НА ЗАПАДЕ, ЗА МОРЕМ...
Эссе 60

Ирина Хургина
главный редактор

Глеб Шульпяков
заместитель главного редактора

Дмитрий Тонконогов
ответственный секретарь
заведующий отделом поэзии

Егор Ходеев
главный художник

Анна Сазанова
верстка

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“НОВАЯ ЮНОСТЬ”

© ЖУРНАЛ
“НОВАЯ ЮНОСТЬ”
[НЮ]

Татьяна Бобрынина
генеральный директор

ISSN 0869-7361

Евгений Долматович

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАШИ

В тот день, когда Маша узнала, что беременна, за окном сверкали молнии.

Она сидела на полу в своей крохотной комнате и смотрела на тест, гадая, что же ей со всем этим делать. И вот тогда ее лицо озарила первая вспышка. Поначалу Маша не поняла, что это. Быть может, очередной скачок электричества? Такое в доме случалось нередко: лампочки начинали потрескивать, вызревали ярким сиянием и — мгновение ослепительной красоты — перегорали, зачастую осыпаясь дождем блестящих осколков. Хлестко щелкали пробки, все погружалось во мрак. И лишь агония лампочки, вылившаяся в неописуемую яркость, какое-то время мельтешила перед глазами, не успевшими привыкнуть к отсутствию света. Агония в глазах была животной памятью о лампочке, о ее короткой кроткой жизни, дарившей спокойствие и чувство безопасности. Но поскольку лампочка — так, безделушка, то и длилось воспоминание недолго. Моргнешь раз-другой — и все. Трупик лампочки отправится в мусорный бак, ты вкрутишь новую и живешь себе дальше, не обращая внимания на подобные маленькие техногенные смерти.

Но в тот день к Маше пожаловала отнюдь не смерть, напротив — вспышка за окном известила о явлении новой жизни, а тест в руках все подтвердил.

Молнии? В ноябре?

Тогда Маша отложила тест и подошла к окну. Она устало и зачарованно смотрела вдаль, на небо, которое серой чугунной беспросветностью поглощало очертания города. И там, среди зыбких силуэтов осенней хмари, одна за другой расчерчивали реальность белые искривленные линии.

Молнии в ноябре.

Наверное, в тот миг Маша и осознала, что под сердцем она носит Бога.

А может, все было не совсем так?

Может, молнии лишь удивили Машу, оттого и запали в память, но сама мысль об уготованной ей роли наведалась чуть позже? Когда? Вероятно, когда Маша что-то ощутила — нечто иное, чем то, что ощущала обычно. Нечто необъяснимое, пугающее... Впрочем, для Маши, чье образование сводилось к урокам в детском доме, ограниченным стенами самого детского дома, многое было необъяснимым, еще большее — пугающим. Тогда, возможно, мысль заявилась, когда Маша начала замечать некоторые явления? Знамения, верно? Что-то выбивающееся из установленного порядка вещей. Тут, увы, тоже не все так гладко, ведь Маше, пусть она и считала себя недалекой, хватило ума понять, что вся ее жизнь — лишь череда однообразных действий и одинаковых лиц. Всякое отклонение уже есть знамение. Только вот обязательно ли то самое знамение?..

Но если ничто не подходит, как узнать, когда Машу посетила такая чудная или, правильнее, чудесная мысль?

А стоит ли гадать?

Сама Маша относилась к этому проще. Да, конечно, время от времени она задавалась вопросом: чего это вдруг она о себе такое возомнила — будто бы носит под сердцем Бога? Живого Бога! Откуда столько чести? Тем более для девушки неприметной, вопиюще заурядной. Она ведь даже в этого самого Бога не верит!

Само собой, в детском доме был священник, именовавший себя «батюшкой» и норовивший привести отвергнутых миром детей к порогу Божьего Царства. Но вначале это был старый надменный священник, в котором добродушное «батюшка» давно уже иссохло, сморщившись в безликое «поп» — звук, как болючее наказание тяжелой ладонью по нежной ягодице. Маша попа недолюбливала, точнее сказать — боялась. Он был строг и смотрел на всех с высоты своего мнимого величия, которым наделил его сан, попутно облачив в пугающую рясу полночного призрака. Как известно, призраки способны привести только к могилам, полным костей, а что до величия, то оно на раз затмевало величие незнакомого и непонятного Бога, якобы говорящего устами церкви, из которой поп явился. В общем, Маша быстро смекнула, что церковь, по сути, тот же детский дом — приют для сирот, уверенных, что их родители где-то есть, любят их, ждут. Такая вера ожесточала детей из детско-

го дома, рано или поздно понимавших, что они одни в целом мире. Ожесточала она, по-видимому, и священников.

А еще про того старого попа всякое болтали. Мол, он сует пальцы мальчишкам под одежду, щупает там, где нельзя. Морщинистые ладони его и вправду были жадны до детских ягодиц — шутка ли, попа тянуло к попам! — но кто именно распускает слухи, Маша не знала. Тем не менее разразился скандал, и поп исчез. На его место прислали нового. Совсем еще молодой, улыбчивый, с лучистыми небесно-голубыми глазами, он мало чем походил на «попа», вряд ли дорос до «батюшки». Напоминал он, скорее, этакого старшего брата, и нравился Маше гораздо больше. Впрочем, нравился он почти всем девчонкам. Только вот ни к Богу, ни к его порогу он так никого и не привел. А все потому, что за пленительной небесно-голубой лучистостью никакой веры не было, лишь отчаянная попытка уверовать, балансирующая над пропастью неизмеримого ужаса, если уверовать вдруг не удастся. Поэтому священник врал, говоря о Боге, — либо убеждал сам себя, либо бездумно цитировал чужие знания, вдоволь разбросанные по страницам книги в черной обложке. Ни ужас, ни ложь, ни тем более знания Машу не привлекали. Она была типичным детдомовским питомцем — угрюмым, немногословным, недоверчивым — и уже порядком устала от ужаса, за версту чуяла ложь, ну а знания... Что ж, Маша понимала, что Бог, если он существует, непознаваем, а значит, в него можно только верить. И какой, спрашивается, толк от священника, если он сам не верит?

Поэтому и Маша в Бога не верила.

Оттого и была столь диковинной и противоречивой мысль, что нежданный ребеночек этот — пока еще только плод, козявочка, вызревающая где-то в животе, — есть самый настоящий Бог. И что к вере Машино деликатное положение отныне имеет куда большее отношение, нежели к безверию. Маленький, приземленный человек, каковым Маша себя считала, не может постигнуть такое за раз. Возникнув однажды, подобная мысль либо сведет с ума, либо будет отвергнута рассудком как смертельно опасная, способная в мгновение ока разметать хрупкое мироустройство одинокой души, растоптать ее мировосприятие, ввергнув весь зримый мир в пучину безумия и оставив лишь выжженную пустошь. Потому и

говорить о том, в какой конкретно момент Маша осознала, что беременна Богом, — бесполезно.

Сойдемся на том, что мысль прокралась к ней, аки вордомушник — знамением, впечатлением, — и угнездилась где-то на подкорке. Она пустила корни в фундамент Машиного разума и умудрилась прорасти там, ничего не разрушив, не повредив шаткого каркаса, коим являлось Машино представление о мире и всем, что в нем происходит.

Так, по мере того, как набухал живот, Маша и приходила к пониманию, кем является ее ребенок.

Стоит заметить, что вопрос отцовства Машу не шибко волновал. К тому моменту, как она окончательно убедилась в своей новой роли, вопрос этот и вовсе стал бессмысленным. Но даже до тех пор он ее мало заботил.

Рожденная в начале сентября, по гороскопу Маша значилась Девой — знак, которому приписывают красоту, элегантность. Всего этого Маша была лишена. За свою жизнь она успела смириться с тем, что является женщиной номинально — тенью, жалким подобием, но никак не самой женщиной. Мужчин она не интересовала совсем: они не оборачивались ей вслед, не делали комплиментов, не назначали свиданий, просто не замечали. И, подходя к зеркалу, Маша легко находила ответ на застрявший в горле вопрос «почему?». Отражение насмехалось над ней, оно было плевком, а то и пощечиной ее женской гордости. И за градом этих плевков и пощечин от гордости со временем не осталось и следа. Так в Маше умерла женщина — тихо, без лишних треволнений и тем более каких-либо вспышек на манер тех, что оставляют в памяти перегоревшие лампочки. Если лампочки умирали красиво, то женщина в Маше была обделена и этой мимолетной красотой — она умерла неприметно, обыденно. И единственной радостью, которую принесла эта смерть, было то, что отражение в зеркале перестало издеваться над Машей. Никаких больше плевков и пощечин.

Увы, это правда, что порой необходимо убить в себе женщину, чтоб примириться со своим отражением.

Заодно вместе с женщиной в Маше умерли и окружавшие ее мужчины. Сгинуло все, что смущало до сих пор: фривольные вопросы и ухмылки, услышанные краем уха намеки, сальные шут-

ки, широко расставленные ноги, хитрый блеск из-под бровей. Не волновала больше форма подбородка и ширина плеч, не привлекали грубые руки с мозолистыми пальцами, не учащался пульс, если нос вдруг улавливал терпкий запах мужицкого пота. Нет, бесследно они, конечно, не исчезли, взамен даже кое-что приобрели: непривычно звучащие имена, чудаковатые повадки. Они обросли множеством нюансов, выделявших их среди прочих людей, но как мужчины перестали полностью существовать. Поэтому Машу и не беспокоил вопрос отцовства.

В большой черной книге было сказано, что первое рождение Бога произошло от обычной женщины с точно таким же, как у Маши, именем. Рождение то стало результатом чуда, которое книга называла «непорочным зачатием».

Вот и Маша считала, что зачатие ее ребенка было непорочным. Простим же ей эту непредумышленную ересь, ведь с оглядкой на знак зодиака, как бы двусмысленно оно ни звучало, все сходится: Девой Маша зачала, Девой Маша родит и Девой останется!

Иногда, конечно, ее изводили сомнения — таки Маша была всего-навсего человеком, самым обыкновенным человеком, — и тогда она принималась вспоминать, цепляясь за разрозненные образы. Получалось с трудом. В голове мелькали цветастые кляксы, густилась-вихрилась темнота, громоздились размытые фигуры. Случалось, сквозь мглу прорывались слова, звуки. Но общей картины не складывалось, а то немногое, что имелось, — неизвестно, было ли оно правдой или выдумкой.

Одно Маша помнила наверняка: внезапно нахлынувшую тоску, которая и погнала ее тем вечером из дома, заманила в какое-то шумное заведение. Вообще, Маша не была сторонницей подобного: большие скопления людей пугали, гром голосов и смеха оглушал. Поэтому она предпочитала коротать вечера в своей уютной квартирке, вязать себе кофточку или свитер, смотреть телевизор. Тоска же — этот затухающий отголосок былых мечтаний, наивность никому не нужной девчушки, стремящейся как можно скорее вырваться из детского дома в большой светлый мир — объявлялась все реже и реже. Казалось, растоптанная годами одиночества и людского пренебрежения, тоска и вовсе смолкла... Как бы не так!

Не сумев себя побороть, Маша быстро оделась, причесалась и, миновав позабытое зеркало, низверглась в зябкость улицы. Так и